

А.Э. Жалинский

*Заведующий кафедрой
уголовного права
Государственного университета —
Высшей школы экономики,
заслуженный деятель науки РФ,
доктор юридических наук,
профессор*

С.А. Бочкарев

*Заместитель начальника
управления прокуратуры
г. Санкт-Петербурга,
соискатель факультета права
Государственного университета —
Высшей школы экономики*

О девальвации рубля и уголовного закона

В статье проведено исследование уголовно-правового механизма охраны собственности с целью установления его связи с инфляционными и дефляционными процессами, обострившимися в российской экономике в условиях современного финансового кризиса. Путем анализа связи уголовного закона с экономическими процессами установлено, что этот закон ориентирован не на разрешение, а на усугубление имущественного расслоения современного общества.

Ключевые слова: уголовный закон; стоимость; кризис; инфляция; дефляция; справедливость; собственность, отношения собственности

Постановка проблемы. Актуальность заявленной темы обусловлена изменениями в социально-экономической жизни российского общества. Значительную роль в этих изменениях сыграл и продолжает играть мировой финансовый кризис. Кризис, который позволил на себе прочувствовать последствия «перегретых рынков», «чрезмерно дешевых и горячих денег», «экономических пузырей» и т.д. Кризис, причиной которому стали, по признанию ведущих экономистов страны, не столько просчеты в господствующей экономической концепции, сколько недостатки организации в российском социуме справедливых отношений собственности.

Оценивая причины и последствия кризиса, представители отечественной экономической науки ведут речь не о производителях и потребителях, не о спросе и предложении, не о цене и стоимости, затратах и прибылях, т.е. не о факторах производства, которые составляют содержание экономики. Они указывают на личность, общество и государство, на правила их взаимоотношений, которые, как отметил профессор Р.И. Капелюшников, составляют суть собственности¹. Академик О.Т. Богомолов, констатируя причины кризиса, говорит о роли каждого из отмеченных субъектов в справедливом и эффективном перераспределении ВВП, в противодействии «стихии нарастающего социального расслоения», в обеспечении справедливого доступа людей к общественным благам — образованию, здравоохранению, культуре².

¹ Капелюшников Р. Собственность без легитимности? // Вопросы экономики. 2008. № 3. С. 90.

² Богомолов О.Т. Момент истины. URL: <http://www.inecon.ru/ru/index.php?go=Content&id=95> (дата последнего посещения: 4 апреля 2009 г.).

Экономист фактически утверждает, что кризис не причина, а следствие социальных бед. Следствие дезорганизованных взаимоотношений собственности между личностью, обществом и государством, которые к тому же являются основными субъектами права, в том числе и уголовного. С этим выводом соглашаются академик Р.С. Гринберг³ и профессор А.Я. Рубинштейн⁴, которые не только в вертикали, но и в горизонтали отношений собственности увидели первопричину современного финансового кризиса.

Речь идет, судя по заявленным мнениям, о первопричине кризиса, которая в российском обществе связана прежде с правом, а затем уже — с экономикой. Право призвано с помощью закона опосредовать и упорядочивать отношения в обществе. Однако какое отношение к проявлениям и причинам кризиса имеет уголовный закон? Какое влияние кризис оказал на уголовно-правовую сферу? Какое воздействие уголовный закон оказал на отношения собственности в условиях их кризиса? И вообще, есть ли между ними связь?

О связи рубля и уголовного закона. Такая связь имеется, и она, как показал кризис, основана на их взаимном и пропорциональном влиянии друг на друга. Причиной тому является наличие в понятийном аппарате уголовного закона, охраняющего отношения собственности, категорий не только юридического, но и экономического порядка. Имеется в виду присутствие в Уголовном кодексе РФ (далее — УК РФ) таких категорий, как стоимость и ее размер, а также то значение, которое УК РФ придает этим понятиям. Их наличие в уголовном законе свидетельствует о том, что для него недостаточно правовых оснований для привлечения похитителя чужого имущества, а в целом нарушителя права собственности, к уголовной ответственности.

Для уголовного закона стоимость имеет важное значение. С ее помощью закон оценивает предмет хищения и размер причиненного этим преступлением ущерба, устанавливает причинно-следственную связь между убылью в одном и прибылью в другом месте. Пользуясь основным предназначением стоимости *в экономике*, в которой ею сопоставляют и размеряют разнокачественные товары, уголовный закон делает выводы *в праве* о разнице в размере стоимости изъятого и предоставленного взамен имущества, об их меньшей или большей ценности, в целом — о возмездном либо безвозмездном изъятии имущества. Иными словами, по средствам стоимости уголовный закон определяет сначала экономические основания хищения, а затем его юридические — объективные и субъективные — признаки. Но этим функциональное предназначение стоимости в УК РФ не исчерпывается.

В зависимость от размера стоимости имущества и причиненного ущерба законодатель поставил не только бытие хищения, но и в целом порог преступности деяний против собственности, их единственное отличие от административных правонарушений (примеч. 2 к ст. 158 УК РФ). Придав размеру стоимости статус квалифицирующего признака (п. «б» ч. 3 ст. 158, п. «б» ч. 3 ст. 159, п. «б» ч. 3 ст. 160 УК РФ), законодатель сделал зависимыми от него и степень общественной опасности преступлений против собственности, вид и размер наказания, следующих за их совершение.

³ Гринберг Р.С. Основная причина кризиса — крах радикального либерализма // Журнал новой экономической ассоциации. 2009. № 1. С. 233–236.

⁴ Рубинштейн А.Я. Некоторые теоретические соображения о природе нынешнего кризиса // Там же. С. 240–242.

Таким образом, уголовный закон прямо или опосредованно, но всегда связывает со стоимостью выводы о наличии оснований для приведения в действие уголовно-правового механизма охраны собственности. По логике закона, без стоимостной оценки произошедшего в отношении собственности происшествия всякие рассуждения о совершении против собственника преступления носят гипотетический характер. Это свидетельствует, что само по себе нарушение *физики права собственности* — изменение места положения имущества в пространстве безотносительно ко времени и воле собственника, либо лишение собственника возможности находиться в пространстве своего имущества безотносительно к чужому времени и чужой воле — является лишь *поводом* для наступления уголовной ответственности. Тогда как ее *основанием* служат результаты *экономической* или, что то же самое, *стоимостной* оценки события преступления против собственности.

Отсюда следует, что стоимость в уголовном законе является ключевым звеном всей конструкции механизма охраны собственности, а неотъемлемые свойства права собственности — это лишь грани данной конструкции. В связи с этим можно сделать вывод, что современный уголовный закон ассоциирует *критерий справедливости* только со стоимостью. Стоимость, как утверждает профессор В.В. Мальцев, всегда выступала и выступает мерой собственности, а поэтому «и главным критерием общественной опасности хищений, находящимся в основе их дифференциации по видам, является стоимостное выражение вреда, причиняемого ими собственности»⁵. Имеется в виду критерий, которым уголовный закон обязывает правоприменителя оценивать характер и степень общественной опасности конкретного деяния против собственности, соизмерять их с видом и размером наказания. Признав размер похищенного значительным, крупным или особо крупным, суд не вправе назначить наказание в виде лишения свободы на срок свыше 5, 6 и 10 лет соответственно.

Сделав выбор в пользу отмеченного критерия, законодатель по средствам уголовного закона, как говорит профессор В.И. Крусс, смоделировал абстрактно должный порядок⁶ отношений собственности, в сфере которого, с одной стороны, *обывателю* недопустимо безвозмездно изымать имущество и (или) причинять ущерб его собственнику или иному владельцу сверх определенных размеров их стоимости. С другой стороны, *правоприменителю* недопустимо применять средства уголовно-правового воздействия в случае изъятия имущества против воли его собственника, объем которого не превышает заранее установленного законодателем размера.

Однако способна ли стоимость обеспечить равное отношение уголовного закона к равным вещам, и неравное — к неравным, помогать ему обнаруживать одни и отличать их от других? Способна ли стоимость, говоря уголовно-правовым языком, являться для правоприменителя средством максимальной индивидуализации особенностей общественно опасного деяния, характера его последствий, свойств лица, совершившего преступление против собственности?

Стоимость как уголовно-правовой критерий справедливости. Расчет на положительное разрешение поставленных вопросов осложняется тем, что стоимость по своей природе определяет существо экономики, а не права. В экономике стоимость «делает товарообмен товарообменом, а деньги деньгами». Стоимость, как от-

⁵ Мальцев В.В. Преступления против собственности: дифференциация ответственности и устранение пробелов в законодательстве // Российская юстиция. 2008. № 10. С. 31.

⁶ Крусс В.И. Теория конституционного правоупотребления. М., 2007. С. 479.

мечает профессор Ю.М. Осипов, «везде и всюду, во всех элементах экономической системы... управляет ими... стоимость оказывается не просто частью этой организации, а главным ее организующим фактором»⁷. Поскольку сама по себе стоимость является числом⁸, то для уголовного закона, руководствующегося ею, предметом внимания становится величина стоимости. В зависимость от нее закон поставил другую величину — размер наказания.

Однако в условиях заданных величин уголовно-правовой механизм охраны собственности способен применяться только по отношению и только при условии постановки перед ним самых абстрактных проблем. Стоимость не способна индивидуализировать, а имеет возможность лишь ориентировать уголовный закон на отвлеченное разрешение проблем, так же как по своей природе она имеет дело не с конкретным, а со «среднестатистическим, абстрактным покупателем»⁹. Поэтому правоприменитель, руководствующийся УК РФ, не испытывает необходимости исследовать историю становления собственника и происхождения его имущества, устанавливать качество волевого отношения собственника и «несобственника» к неравнозначному для них имуществу.

С экономической точки зрения¹⁰ такая организация социальных связей уголовным законом свидетельствует о его ограниченности, институциональной нейтральности, о его склонности избегать серьезного анализа «институциональных ограничений и транзакционных издержек». Речь идет, во-первых, об индифферентном отношении легализованного уголовным законом механизма охраны собственности к виду осуществляемой обществом и личностью экономической деятельности, об отсутствии в основе этого механизма потребности в инструментальном анализе условий их хозяйственной деятельности. О таком состоянии исследуемого механизма охраны собственности свидетельствует его неадаптированность к новым или изменившимся сферам человеческой деятельности.

Так, несмотря на активное становление в 1990-х гг. и продолжающееся развитие в 2000-х гг. страхового, акционерного, банковского, финансового и кредитного дела в России, их появление никак не отразилось на сопутствующей им истории становления гл. 21 УК РФ. В то же время учреждение аналогичных институтов в странах романо-германской правовой семьи, в частности, в ФРГ, привело к появлению группы составов преступлений, примыкающих к основным составам (например, к мошенничеству). Имеется в виду компьютерное, субвенционное, страховое, кредитное мошенничество, мошенничество с ценными бумагами¹¹.

Во-вторых, речь идет об игнорировании уголовным законом, адаптировавшим *культ стоимости*, как своих собственных институциональных ограничений, так и ограничений, связанных с охраняемым благом — собственностью. С одной сторо-

⁷ Осипов Ю.М. Экономика // Философия хозяйства. 2000. № 1.

⁸ Осипов Ю.М. Тезисы об экономике как реальности и экономии как собрании мыслей об экономике // Там же. 2004. № 5 (35). С. 49–52.

⁹ Касьяненко Т.Г. О классификации оценочных стоимостей в теории и стандартах оценки // Проблемы современной экономики. 2009. № 3 (27).

¹⁰ Фуруботн Э.Г., Рихтер Р. Институты и экономическая теория: Достижения новой институциональной экономической теории / пер. с англ. под ред. В.С. Катъкало, Н.П. Дроздовой. СПб., 2005. С. 2.

¹¹ Жалинский А.Э. Современное немецкое уголовное право. М., 2006. С. 448.

ны, институт общественной опасности, в уголовном праве отвечающий на вопрос, *что* необходимо оберегать и *кого* брать под свою опеку, не измеряет чувство опасения человека перед арифметическими и экономическими коэффициентами, не оценивает его рыночной, инвентарной, кадастровой и иной условной стоимостью. С другой стороны, собственность, отвечающая не только за материальные, но и за духовные блага человека, за его вклад в вещь и физических, и психических, и духовных усилий, не исчерпывается стоимостным выражением.

О волюнтаристском отношении легализованного уголовным законом механизма охраны собственности к институциональным ограничениям свидетельствует и экономическая теория. С ее точки зрения предмет хищения не имеет стоимости, поскольку то, что добыто без труда или жертвы (как отмечает экономист Дж.С. Милль), не обладает стоимостью. У уголовного закона отсутствуют экономические основания для сравнения стоимости имущества, прежде находящегося у собственника, с имуществом, оказавшимся у похитителя. С этой же позиции стоимость не применима в уголовных правоотношениях, поскольку между потерпевшим и виновным не происходит *правообмена*, схожего по своим конкурентным, свободным и взаимным чертам с *товарообменом* в экономике. Однако только в таких условиях оборота возможно применение стоимости в ее полном смысловом и функциональном значении¹².

Кроме того, имея в виду российское экономическое поле, уголовному праву следует принимать во внимание, что на этом поле отсутствует какой-либо механизм определения справедливой стоимости. Отсутствие обоснованных моделей оценки справедливой стоимости продуктов приводит к тому, что и как балансовая стоимость активов в отчетности¹³, так и тесно связанная с нею уголовная ответственность оказываются неоправданно завышенными.

В-третьих, речь идет о пренебрежении со стороны уголовного закона трансакционными издержками конкретного преступления, которые сквозь призму стоимости закон имеет возможность оценивать лишь в масштабах воздействия преступления на имущественную массу всего товарооборота, а не в аспекте влияния преступления на имущественное положение конкретной личности. Несмотря на то, что не столько с первыми, сколько со вторыми издержками связана общественная опасность каждого преступления против собственности, УК РФ лишь в единичных случаях предписывает правоприменителю оценивать *значительность* причиненного собственнику ущерба. Но и в этом случае правоприменителю «надлежит учитывать имущественное положение потерпевшего, в частности наличие у него источника доходов, их размер и периодичность поступления, наличие у потерпевшего иждивенцев, совокупный доход членов семьи...» без отрыва от стоимости похищенного имущества¹⁴.

Анализ природы ключевого звена механизма охраны собственности свидетельствует, что он неспособен служить уголовному праву в качестве инструмента, обеспечивающего в соответствии с принципом справедливости максимальную диф-

¹² Милль Дж.С. Указ. соч. С. 496.

¹³ Бойцов А.А. Оценка справедливой стоимости структурных продуктов // Проблемы современной экономики. 2009. № 1 (29).

¹⁴ Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27 декабря 2007 г. № 51 «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате» // Российская газета. 2008. № 4.

ференциацию и индивидуализацию уголовной ответственности. Обоснованность этого вывода подтверждается не только теоретически, но и эмпирически.

Абсолютизация статуса стоимости в уголовном праве на практике привела к тому, что преступность и наказуемость деяний против собственности стала зависеть не от характера и степени их общественной опасности, а от динамики спроса и предложения на рынке товаров и услуг. В качестве примера следует привести рынок акций. Он наиболее рельефно демонстрирует зависимость механизма охраны собственности не от «криминологической, социальной и этической обоснованности», как от основного требования принципа справедливости¹⁵, а от ценообразования на рынке акций.

За счет отмеченной зависимости, согласно данным ММВБ¹⁶, приобретение прав на 10 акций ОАО «Сургутнефтегаз» путем обмана в июне 2009 г. образовывало состав преступления, предусмотренного ст. 159 УК РФ, так как их стоимость достигала 2500 руб. В июле, августе и сентябре того же года посягательство на это количество акций аналогичным способом образовывало уже не состав преступления, а состав гражданско-правового деликта по ст. 179 ГК РФ, либо административно-правонарушения по ст. 7.27 КоАП РФ (в связи со снижением их стоимости). В дальнейшем вслед за экономическим ростом происходила криминализация, а за экономическим падением — декриминализация все тех же действий мошенника за посягательства на все те же объекты права собственности.

Отсюда следует, что рассматриваемый механизм охраны собственности является *небеспристрастным* участником фондовых рынков. Руководствуясь ценами этих рынков, механизм обеспечивает уголовно-правовую защиту прав не всех собственников, а только тех и тогда, когда они находятся в экономически более благоприятном положении и спрос на их имущество превышает предложение.

Об избирательном и неравнозначном отношении исследуемого механизма уголовного закона к субъектам отношений собственности свидетельствует и стоимость *«потребительской корзины»*, которая исчисляется Федеральной службой государственной статистики на основе средневзвешенных цен на минимальный набор продуктов питания и услуг. В зависимости от социально-экономического положения региона России и имущественного статуса проживающих в нем людей, уголовный закон обеспечивает охрану *прожиточного минимума* не каждого гражданина, а только того, который способен оплатить *самый дорогой* продуктовый набор.

Речь идет, согласно данным Росстата на январь 2010 г.¹⁷, о Чукотском автономном округе, Магаданской области, Камчатском крае, в которых стоимость потребительской корзины превышает 2500 руб. и составляет соответственно 5662,5 руб., 3938,5 руб. и 3746 руб.; о Саратовской и Оренбургской областях, Республике Татарстан, «потребительская корзина» которых уголовным законом оставлена без защиты, поскольку в этих субъектах РФ зафиксирована самая низкая стоимость продуктового набора, не превышающая 2500 руб.

О неспособности анализируемого механизма обеспечить соответствие уголовного закона правовому принципу всеобщего равенства свидетельствует его зависимость не только от стоимости товаров и услуг, но и от стоимости самих денег, от происходящих

¹⁵ Галактионов С.А. Принцип справедливости: уголовно-правовой аспект: дис. ... канд. юрид. наук. Рязань, 2004. С. 41.

¹⁶ ММВБ — Московская межбанковская валютная биржа. URL: <http://www.micex.ru>

¹⁷ Цит. по: Журнал экономика и жизнь. URL: <http://www.eg-online.ru/news/90625/>

с ними инфляционных и дефляционных процессов. За счет обесценивания денег на 4,8% в январе 2010 г., которое произошло в результате роста цен на все товары, посягательство на минимальный набор продуктов в Москве стало носить преступный характер, поскольку его стоимость повысилась и составила 2516 руб. Однако тот же набор продуктов в Санкт-Петербурге не вошел в круг охраняемых уголовным законом объектов, поскольку его стоимость составила 2416,7 руб.

Для уголовного права этот же пример со стоимостью денежных средств демонстрирует, как за счет исследуемого механизма охраны собственности *инфляция* денег способна приводить к «*дефляции*» уголовного закона или, иначе, к «удорожанию» — ужесточению его требований. Получается, что общественная опасность хищения 2500 руб. в январе 2008 г. ниже общественной опасности хищения этой же суммы денег в декабре 2008 г., поскольку в связи с ее обесцениванием на 12% за нее можно купить уже меньший объем товаров и услуг. Однако УК РФ оставляет неизменным размер и вид уголовного наказания, пренебрегая, по выражению профессора М.С. Гринберга, важнейшим принципом уголовного права — ступенчатостью кары. УК РФ игнорирует ее зависимость от характера и тяжести преступления, которая составляет неотъемлемое основание принципа справедливости¹⁸.

Анализ приведенных примеров свидетельствует о том, что установленный УК РФ механизм охраны собственности на практике взвешивает и оценивает права и законные интересы участников отношений собственности товарно-стоимостным, а не формально равным (т.е. одинаково справедливым для всех) правовым мерилom.

О несправедливости уголовного закона в охране собственности. Анализ причин, объясняющих *несправедливый* характер исследуемого механизма охраны собственности, позволяет установить, что основная причина связана с несоответствием этого механизма требованиям рыночных отношений. Эти отношения имеют систему ценностей, которая отличается от системы ценностей плановой экономики. Однако несмотря на существенные отличия и смену систем, механизм уголовно-правовой охраны собственности, установленный уголовными кодексами 1960 и 1996 гг., по своей сути остался неизменным. В этом механизме сегодня, как и прежде, определяющее значение имеют экономические (стоимостные) основания права собственности.

Вместе с тем, как показывают практические примеры, имеются основания для пересмотра структуры исследуемого механизма, поскольку ранее использованные им критерии изменили свое значение и уже не обеспечивают справедливость уголовного закона. Важное значение как для экономики, так и для уголовного закона сыграло исчезновение директивных цен. Действуя в период плановой экономики, они обеспечивали консервативность и невосприимчивость к инновациям не только промышленной структуры¹⁹, но и уголовного закона. Его стабильность, как и стабильность всей экономической системы, достигалась за счет административного контроля за ценами, сдерживание которых делало неочевидным фатальный характер зависимости уголовного закона от их размера.

Однако в настоящее время деньги и цены приобрели новые свойства, поскольку развитие рыночных отношений в XX в. существенно изменило структуру рынка. На этапе становления индустриального общества финансовые рынки составляли

¹⁸ Гринберг М.С. Уголовное право как феномен культуры // Правоведение. 1992. № 2. С. 57–62.

¹⁹ Кузьминов Я.И. Модернизация экономики: глобальные тенденции, базовые ограничения и варианты стратегии: препринт WP5/2002/01. М., 2002. С. 7.

незначительную часть общего оборота, но уже в XX в. только 5% денежной массы мира обслуживают товарные рынки, а 95% — финансовые рынки²⁰. За счет этих процессов уже «не товары определяют деньги, а деньги определяют товары»²¹. Формы обмена, привычные для плановой экономики, стали отличаться от современных рынков. На них уже нет единых цен на товар, нет стандартизированных продуктов и универсальных метрических систем для их измерения и взвешивания, а если и есть, то они установлены властями, но не силой свободной конкуренции²².

Для уголовного права все это означает, что деньги «не обусловлены реальным хозяйством»²³, а их стоимость, на значение которой ориентирован механизм уголовно-правовой охраны собственности, не отражает реальных издержек производства и затрат человеческого труда. Сегодня всякий вывод о виновности лица в совершении преступления против собственности, основанный на стоимости похищенного имущества или причиненного ущерба, имеет высокую вероятность быть основанным не на стоимости товара или услуги, а на стоимости денежного агрегата или суррогата, фиктивного либо спекулятивного капитала, не реального, а виртуального сектора экономики.

Только изменение гипертрофированного отношения уголовного права к стоимости как к основному и единственному критерию оценки ответственности за совершение преступлений против собственности способно вывести уголовный закон из неравновесия, неустойчивого и неопределенного, а поэтому несправедливого положения.

Сравнительное исследование отечественного механизма охраны собственности с его зарубежными аналогами подтверждает тезис, что *экономизация* оснований уголовной ответственности за совершение преступлений против собственности на практике лишает правоприменителя возможности рассматривать преступные акты человеческой деятельности в их самобытном, действительном виде. Стоимость для этих актов способна служить, выражаясь словами основоположника отечественной философии собственности Н.А. Бердяева, лишь «отвлеченным критерием справедливости»²⁴. Этот критерий не связан с бытием собственника и его имущества. Он связан со стоимостью вещи, которая сегодня зависит не от труда ее учредителя, а от субъективных представлений о ней участников товарных, фондовых, валютных, венчурных и иных рынков.

По своей сути, на эту же зависимость стоимости имущества не от хозяйственного фактора, а от эгоистического стремления человека к максимизации прибыли указывает профессор уголовного права Германии В. Йокс, обосновывая тезис о невозможности постановки стоимости в основу уголовной ответственности за совершение преступлений против собственности. Такое доктринальное толкование в немецком уголовном праве органично дополняется нормативно-правовым

²⁰ Макаренко О.В. Деньги в условиях перехода от индустриального общества к информационному // Россия как цивилизация денег / под ред. Ю.М. Осипова, М.М. Гузева, Е.С. Зотовой. Волгоград, 2008. С. 415.

²¹ Рязанова О.Е. Новые тенденции в развитии института собственности в условиях финансовой экономики // Вопросы экономики и права. 2009. № 8. С. 8.

²² Радаев В.В. Что такое рынок: экономико-социологический подход: препринт P15WP4/2006/07. М., 2006. С. 27.

²³ Рязанова О.Е. Указ. соч. С. 8.

²⁴ Бердяев Н.А. Философия свободы / сост., вступ. ст. и коммент. В.В. Шкоды. М., 2004. С. 432.

аспектом, особенность которого в том, что он обеспечивает также защиту вещей, не имеющих экономической ценности²⁵. Кража в УК Германии представляет собой формальное преступление, поскольку зарубежный уголовный закон охраняет «любые материально выраженные предметы, хотя бы и не имеющие какой-либо ценности»²⁶. Поскольку речь идет о нарушении права собственности, для немецкой уголовно-правовой доктрины и практики, как отмечает профессор Р. Ренгиер, не имеет значения, на какую вещь, на какое ее качество и количество был направлен умысел виновного²⁷.

Имущественный ущерб как обязательный признак в уголовном законе Германии имеет отношение лишь к «преступлениям против имущества как целого», к которым относятся разные виды вымогательства, мошенничества, ростовщичества, запрещенные азартные игры, укрывательство преступника и его добычи. Но и в этих преступлениях решающим является не стоимость похищенного имущества, а например, характер обмана. «Он определяет, являются ли потери социально адекватными или нет, является ли поведение еще сделкой или уже мошенничеством»²⁸. В итоге в немецком уголовном праве последствием имущественного посягательства признается не уменьшение финансовой оценки имущественного положения лица, а нарушение его права собственности в виде ограничения права распоряжения имуществом.

Схожими чертами обладает уголовно-правовой механизм охраны собственности Франции. По французскому УК предметом преступлений против собственности является чужое имущество, понятие которого определено гражданским законодательством²⁹. Руководствуясь этим понятием, уголовный закон имеет дело с любой собственностью, в том числе с услугами, обязательствами и доходами. При этом рыночная стоимость имущества не имеет какого-либо уголовно-правового значения. Она не влияет на квалификацию содеянного как виновным, так и его сообщником.

Как в случае с кражей, вымогательством, шантажом, мошенничеством, злоупотреблением доверием, так и в случае с умышленным банкротством, которое также отнесено к преступлениям против собственности, для УК Франции имеет значение исключительно механизм совершения этих актов. При этом принципиальным для вывода об умышленном банкротстве является факт, а не размер увеличения долгов, уменьшения активов, сокрытия всех или части доходов. В итоге по УК Франции материальная сторона любого уголовного преступления и проступка против собственности составляет действие, которое противопоставлено добровольной передаче собственником своего владения имуществом другому лицу, либо иному изъятию от права на вещь³⁰.

По уголовному законодательству Испании механизм охраны собственности связан со стоимостью ее объектов. Однако эта связь не носит повсеместного и консти-

²⁵ Цит. по: *Жалинский А.Э.* Современное немецкое уголовное право. М., 2006. С. 409.

²⁶ Там же. С. 418–419.

²⁷ Цит. по: Там же. С. 424.

²⁸ Цит. по: Там же. С. 461.

²⁹ *Адельханян А.Р.* Имущественные преступления и проступки по Уголовному кодексу Франции: уголовно-правовой и сравнительный анализ: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2007.

³⁰ *Попов С.А.* Преступления против собственности по уголовному праву Франции: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2004. С. 7–8.

тутивного характера. Размер стоимости является факультативным, а не основным критерием применения уголовно-правового механизма охраны собственности. Наличие этого признака в уголовном законе не влияет на его равное отношение к своим субъектам, а также на степень защищенности прав этих субъектов, которая не зависит от их имущественного положения.

В отличие от УК РФ, который не обеспечивает уголовно-правовую защиту малоимущих граждан, поскольку стоимость похищаемых у них вещей может не достигать 2500 руб., для УК Испании стоимость имущества не имеет значения, если произошло хищение предметов первой необходимости, жилища или другого имущества, признанного социально необходимым; если преступление имело особую тяжесть, учитывая ценность похищенного, причиненный вред и экономическое положение потерпевшего и его семьи.

Сравнительный анализ уголовно-правовых механизмов охраны собственности тех государств, которые объединены романо-германской семьей, подтверждает тезис, что мерой всех вещей, цитируя древнегреческого философа Протагора, является не стоимость, а человек. Мерой уголовной ответственности за имущественные преступления должны служить не товарно-стоимостные, а естественно-правовые критерии. Они способны характеризовать онтологическую ценность вещи, ее непреходящую значимость для каждого человека даже тогда, когда рынок, его спрос и предложение не испытывают к этой вещи экономического интереса.

Только за счет научной разработки и последующей легализации социогуманитарных и духовно-консолидирующих критериев³¹ уголовное право, интерпретируя слова Н.А. Бердяева, обретет способность не игнорировать, а разрешать «обиды бедных и неимущих». Отвечать требованиям справедливости, обеспечивая незыблемость и сохранность собственности каждого лица, а не только тех, стоимость имущества которых достигает определенных пределов. Гарантировать применимость уголовно-правового механизма охраны собственности не в некоторых, а в разных социально-экономических условиях развития общества. Уголовное право обретет способность отвечать новым вызовам современного финансово-экономического кризиса, в условиях которого собственность каждого не похищается и не изымается (в смысле УК РФ), но, тем не менее, не по воле собственника, уменьшается, исчезает и рассеивается.

Проведенное исследование позволяет обнаружить, что уголовный закон девальвирует, поскольку вопросы о его совершенстве и достаточности, границах и пределах применения как в теории, так и на практике решаются лишь в связи с динамикой криминологических, статистических и социологических показателей, свидетельствующих об увеличении размера причиненного ущерба. Это происходит в силу того, что вопрос об уголовно-правовой охране собственности зависит не столько от юридических, сколько от экономических оснований. При этом механизм защиты обходится без реальных и фундаментальных оценок общественной опасности посягательств против собственности, без измерения справедливости уголовной ответственности и наказания, без оценки своей эффективности в достижении поставленных целей.

³¹ *Понов Е.А.* Социальное благополучие в современном обществе: социогуманитарный и духовно-консолидирующий контексты // Политика и общество. 2010. № 1.